

Виктор Вургафтик

О свободе

Якову Семёновичу Друскину

Виктор

Киев

июнь 1972

На следующий день после возвращения из Ленинграда я, как обычно, отправился в парки на склонах Днепра. Деревья ещё были в цвету, на аллее, как снег, летел белый тополиный пух. Мне было чрезвычайно легко, и я подумал: вся тяжесть этой зимы и поездки с меня снята. Я чувствовал, что с меня снята тяжесть греха.

Но уже вечером этого дня, возвращаясь с работы, я не совсем понимал то моё состояние. И вот началось чередование ясных и смутных полос: то я был уверен – и экзистенциально, и теоретически – в том, что теперь безгрешен, то начинал сомневаться в этом и доходил до полной убеждённости в своём грехе. Были у меня и теории, стремившиеся сочетать то и другое, но и в них я не мог утвердиться. И я стал думать, что теперь я одновременно и праведник и грешник, праведный грешник, как говорит Я.С. Друскин; и что это чередование и есть действительное, экзистенциальное соединение того и другого, соединение самой моей жизнью.

Позавчера вечером я вышел из дому после дождя. На мокрой зелени лежали алые отблески солнца. Пока я доехал до парков, я убедился в том, что по крайней мере с того утра после приезда на мне нет греха. В парке мне не хотелось продолжать это размышление, но я всё же не утерпел и стал дальше обосновывать свою уверенность. И пришёл к выводу, что остаюсь безгрешен всегда, что бы я ни делал. Я снял даже все запреты, которые налагал на свои действия. Потом в моих размышлениях был перерыв, после которого эта уверенность заколебалась. Но на следующий день, по дороге и в парках, она вернулась, и я подтвердил снятие всяческих запретов.

И вот к вечеру этого дня я заметил, что возобновляются некоторые мои прежние мелкие привычки, от которых я почти было освободился, привычки, ощущавшиеся мною как грехи. От этого мне было немного не по себе, несмотря на убеждение, теперь всё более теоретическое, что грешить я не могу. На работе вопреки нежеланию терять свою свободу я взял на себя ответственность за изложение весьма большого отрезка материала и чуть не до обморока устал. Мне стало боязно за будущее, и я понял, что жить безгрешным я не могу. И всё же я не мог не видеть себя таковым. А к ночи мне стало ясно следующее.

Христос освободил меня от ответственности за мир и за себя, бесконечной ответственности, возложенной на меня Богом. Когда она была на мне, и я из всех сил тщился поднять её, на мне было проклятие Божие и грех, вина за то,

что я не в силах нести эту бесконечную тяжесть. Тогда я сам пытался держать себя – медициной, изнурительными ритуалами, старательной учёбой, неустанными поисками постоянной работы, на которой, как мне было хорошо известно, закрепиться я никак не мог. Я сам пытался держать себя и мир и, несмотря на тяжесть и бесконечные навязчивости, философствовал, писал философские работы и даже написал пророческую книгу – «Исход к Знанию».

И вот Христос освободил меня и подарил лёгкость. Исчезли навязчивости, мнительность, заботы о будущем. Бог в Христе возвратил ответственность за мир Себе, Кому она и принадлежит, и слабость моих сил перестала быть моим проклятием и грехом. Мир, который был мне страшен, потому что я должен был, но не мог нести ответственность за него, стал прекрасен: теперь за всё отвечает Бог. Теперь не я держу себя, но Сам Бог меня держит.

Но вот я забыл об этом и взял на себя ответственность за что-то незначительное, например, за то, чтобы не заразиться от человека, который кашлянул в мою сторону: я думаю, куда бы мне хоть сплюнуть. И в этот миг, когда я вновь пожелал сам держать себя, Бог передаёт мне ответственность за всё, потому что нельзя отвечать за себя, не отвечая за целое мироздание. Я замечал, что, начиная отвечать за одно, я неожиданно оказывался ответственным за другое, иногда на первый взгляд не имеющее к тому никакого отношения. Но я слаб и не могу нести такую тяжесть; поэтому я снова грешник. Я пал, когда пожелал взять на себя ответственность за малое.

И я падаю, когда беру ответственность за большее, скажем, за то, чтобы справиться со службой. И тогда, когда пытаюсь отвечать за большое – что бы мой ближний обрёл истину. Мне скверно тогда, я каюсь, и Господь всякий раз приходит и берёт мою тяжесть на Себя. И тогда я опять свободен.

Но бывает, что раскаяние не приходит ко мне. Так было в тот первый день на службе, когда, невзирая на желание сохранить лёгкость, я взял на себя ответственность за мою лекцию. Так было, когда я не сдержался и стал наставлять моего ближнего на пусть истинный, возложил на себя ответственность за него /верней, опять-таки за себя/. Оба эти греха привели к болезни, и я благодарю за это моего Господа.

Но если изложенная теория верна, я верю в неё и несу за неё ответственность. Тем самым я уже постоянный грешник и, следовательно, она неверна. Чтобы быть верной, она должна быть мною забыта – тогда я перестал бы за неё отвечать. Но тогда на мне, по-видимому, оказалось бы иго другой теории. Пока я хватаюсь за размышления, я отнюдь не свободен – я раб этих размышлений, а, стало быть, раб всего. Впрочем, этот вывод основан на данной теории, которая, таким образом, мною не забыта и потому неверна.